

**«Восхождение к праву»
Интервью с членом-корреспондентом РАН
С.С. Алексеевым**

К 15-летию Института философии и права УрО РАН

*Интервью подготовила
и провела Ирина Фан**

Название одной из книг С.С. Алексеева по теории права, изданной уже дважды, емко и образно выражает научную и личностную позицию автора, его боль в отношении прошлого и нынешнего состояния права в России и мире в целом, тревогу и, одновременно, надежду – в отношении будущего. Словами автора озаглавлено и наше интервью с ним. Сергей Сергеевич Алексеев (28.07.24, Орел) – правовед, член-корреспондент РАН (1987), доктор юридических наук (1961), первый директор Института философии и права УрО РАН (1988–1993), почетный доктор (*honoris causa*) Университета Париж-ХII Вальде-Марн (2000), участник ВОВ, лауреат Государственной премии СССР (1977), заслуженный деятель науки РСФСР (1974), награжден орденами «Знак Почета», Отечественной войны, Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» III степени. С 1993 по 1996 г. – член Президентского совета и Комитета по правам человека при Президенте РФ.

По научному авторитету и неформальному признанию, по индексу цитирования, по творчеству в качестве законодателя С.С. Алексеев давно стал для современников олицетворением Права. Сергей Сергеевич – создатель уральской научной школы в теории государства и права, инициатор возрождения в России школы гражданского права.

Он автор более 400 печатных трудов, в том числе более 40 книг по проблемам теории государства и права, гражданского, конституционного права, по философии права, в том числе – 10 из-

* *Фан Ирина Борисовна* – научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат философских наук.

данных за рубежом. В стиле, названиях, юридических формулах его книг органически сочетаются научные интересы, рациональное понимание права, любовь к строгим юридическим конструкциям и глубокая личностность, пронзительная эмоциональность, выстраданность суждений собственной жизнью. Редкий человек может быть столь откровенным, не бояться исповедальных нот, признаний в моментах сомнений, искушений властью.

В начале 1942 г. он, еще десятиклассник Свердловской школы № 2, был вызван в военкомат, стал призывником. Но как сына «врага народа» его решили направить в трудармию. Отца С.С. Алексеева, работника статистического управления Уральской железной дороги, участника Гражданской войны, арестовали в апреле 1937 г. и отправили в Сибирь. В 1947 г. его освободили «за отсутствием состава преступления»... С настроем «на фронт!» и с желанием избавиться от позорного клейма целый день С. Алексеев провел в военкомате и лишь у главного военкома добился отправки в действующую армию. Он был направлен в инженерно-саперные войска. На фронт попал в декабре 1942 г. Был произведен в «ефрейторы», а потом, после назначения командиром отделения, в «старшие сержанты». До окончания службы в апреле 1945 г. со своим батальоном прошел Волховский, Ленинградский, Карельский, Заполярный фронты. Испытал все: лишения, голод, смерть товарищей, абсолютную власть военной машины, борьбу с диктатом «паханов» (присланных в армию уголовников), особый мир военной жизни, сходной с порядками и нравами гулаговских лагерей... Там же пережил чувство солдатского братства, там же выработал «свой» стиль командования людьми, среди которых были и те, кто вдвое старше и опытнее его. Этот стиль – в любом деле (осмотре мин, работе при обстреле...) действовать самому, первым; решения принимать с учетом мнения других, сообща распределять задания; приказывать сначала самому себе, потом другим; никогда не повышать голос – стал частью личности С.С. Алексеева. Этот стиль показал свою эффективность и впоследствии, в политической и законотворческой работе, в научной, просветительской, педагогической деятельности, в других областях жизни.

Время конца 80-х – начала 90-х гг. раскрыло подлинный масштаб личности С.С. Алексеева. Он один из разработчиков про-

екта Конституции РФ (1993) и Гражданского кодекса РФ (1994, 1995). Говорят, что для цивилиста простое участие в разработке ГК – это уже большая удача и честь. С.С. Алексеева называют лицом ГК РФ, ему принадлежит не только роль его автора, но и уникальная роль творца российской истории. Политическая и законодательная деятельность Сергея Сергеевича в качестве народного депутата СССР (с 1989 г.), на посту первого (!) в истории России председателя Комитета по законодательству Верховного Совета СССР (1989–1991 гг.), первого(!) Председателя Комитета конституционного надзора СССР (1989–1991 гг.), первого (!) председателя совета Исследовательского центра частного права при Президенте РФ (с 1992 г.), талант умного и страстного оратора, его правовая, философская публицистика, открывающая высокую гражданскую и нравственную позицию автора, – все это поставило С.С. Алексеева в ряд авторитетных лидеров общественного мнения в нашей стране.

— *Сергей Сергеевич, расскажите, пожалуйста, об истории создания Института философии и права.*

— Давно уже у меня зародилась идея сделать Свердловск одним из центров – носителей русских правовых традиций. После революции, и даже в 20–30-е гг., здесь работали крупные представители юридической мысли, в области гражданского права – выразители достижений русской дореволюционной мысли, одной из передовых в мире. Самый яркий из них – И.А. Покровский. Его учениками были А.М. Винавер и Б.Б. Черепахин, учеником которых стал впоследствии и я. А.М. Винавер (цивилист, бывший «кадет») читал нам лекции по римскому частному праву, посвящая нас в тонкости латинских правовых конструкций. Б.Б. Черепахин (завкафедрой частного права) вел студенческий кружок по гражданскому праву. Их лекции и научное руководство в какой-то степени отразились на моей судьбе. Они открыли нам гражданское право, науку. Б.Б. Черепахин был моим научным руководителем, когда я учился в аспирантуре и готовил кандидатскую диссертацию и в начале подготовки докторской. Потом он уехал в Ленинград. Я часто бывал у него, был одним из тех, кто в последний раз видел его перед кончиной...

Потом я занимался теорией права, работал на кафедре государства и права юридического института в Свердловске, много ра-

ботал. Но никогда меня не оставляла мечта продолжить традицию А.М. Винавера и Б.Б. Черепихина.

Меня уже давно звали работать в Академию наук. Время от времени мы с Г.А. Месяцем обсуждали волнующие нас научные проблемы. Мне присвоили звание члена-корреспондента. В 1987 г. Г.А. Месяц предложил мне создать Институт права. Это была возможность воплотить давнюю мечту и продолжить традицию И. Покровского. Не обошлось без трудностей, особенно – в общем русле политики партийных органов, в их отношении к идеям цивилистики. Основа цивилистики – это начало автономной, экономически и политически свободной личности, но это противоречило официальной идеологии и господствовавшей тогда теории государственного права. Но начало было положено, цель определена: сделать Институт философии и права центром передовой цивилистической мысли.

В Академии наук в то время было не принято формирование институтов гуманитарного профиля. Если что-то и создавалось, то считалось, что все должно быть в Москве, рядом с ЦК КПСС. Наш институт был первым на востоке страны институтом гуманитарной проблематики. Это общее отношение партийной элиты сказалось и на организационных моментах создания института. Так, представитель ЦК, заведующий соответствующими вопросами, требовал дикого количества бумаг, обосновывающих необходимость создания института. Было проведено много нудных, никчемных разговоров, потрачена уйма времени на организацию института... В целом в создании института именно Г.А. Месяц сыграл существенную роль. И я проделал весьма значительную и нередко неблагодарную работу по обоснованию необходимости гуманитарного направления в академической системе. В конце концов Президиум УрО РАН одобрил создание института, высказав мнение, что именно этого направления отделению и не хватало. Когда я уже был в Москве, много выступал в печати и на телевидении, то всегда представлялся в качестве директора Института философии и права УрО РАН. Это способствовало признанию института в широких кругах общественности. Много хлопот было и с поиском здания под институт. Какое-то время Высшая партшкола предоставляла нам по-

мещение для проведения теоретических семинаров. Тот домик, который занимает институт в настоящее время, раньше принадлежал кооперативным организациям, потом партшколе. Директор партшколы отдал здание Институту философии и права. Название институту мы определили по соответствующему названию отделения РАН. Но по исходной идее он должен был быть правовым институтом. При подборе состава сотрудников мы исходили из того, чтобы собрать правоведов и философов, наиболее перспективных в научном плане.

Возрождение цивилистики – то самое крупное и для меня, и для страны дело, во имя которого, по моему настрою, еще в 1987–1988 гг. был образован академический институт на Урале. По настоящему это дело было начато в октябре-ноябре 1991 г. в Москве. И хотя по всем записям я оставался директором института в Свердловске, это дело – возрождение цивилистики – вряд ли там могло быть теперь осуществлено. А в Москве, в октябре-ноябре («при Горбачеве»), а потом в декабре 1991 г. («при Ельцине») возрождение цивилистики стало актуальнейшей общественной и государственной задачей. Казалось, это возрождение теперь способно сломать сопротивление чиновничества и его научного продолжения —направления, именуемого «хозяйственным правом» (перелицованного в «предпринимательское право»). В Москве оказалось возможным продолжить идею частного права крупным общественным делом – подготовить и издать современный Гражданский кодекс. В это время с какой-то остротой открылась незаменимая миссия частного права в демократическом развитии и нашей страны.

— *Каким Вам видится период 1989–1995 годов с точки зрения настоящего времени?*

— В 1989 г. по инициативе Г.А. Месяца, после выдвижения меня собранием коллектива ИФиП УрО АН СССР кандидатом в народные депутаты СССР и после процедуры одобрения моей кандидатуры пленумом расширенного Президиума АН СССР, я стал народным депутатом и затем членом постоянно действующего Верховного Совета СССР. В Москве я начал работать в качестве председателя Комитета конституционного надзора, а затем председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству.

В июле 1989 г. свершился перелом – Верховный Совет впервые за долгую советскую историю обрел положение самостоятельного законодательного учреждения. В это время были разработаны и приняты Верховным Советом законы о собственности, об аренде, о печати. Закон о собственности легализовал частную собственность, поставив ее в один ряд с государственной, что меняло экономические основы нашего общества. Закон об аренде предлагал эффективный способ приватизации, перевода экономики на частноправовую основу. Закон о печати вводил и обеспечивал свободу слова. Эти законы оказали значительное влияние на политическую жизнь страны. Однако все они встречали сопротивление партийных инстанций и руководства палат Верховного Совета. К октябрю-ноябрю 1989 г. стало выясняться, что вновь принятые законы не определили коренной перелом в жизни общества. Какое-то действие на реальную жизнь оказал закон о печати. Но эффект от закона о собственности – ноль. В отношении закона об аренде происходили даже попятные процессы. В партийной печати появились публикации с настороженными словами об «арендизации», о недопустимости спешки, начались сравнения ее с «коллективизацией» 20–30-х гг. Все уходило в песок...

Только в первом году нового столетия я понял по-настоящему значение деятельности Комитета конституционного надзора в начале 90-х гг. Первым случаем непосредственного практического использования положений о правах человека при решении конкретных юридических дел, состоявшимся именно в нашем Отечестве, были решения и деятельность ККН. Функции ККН были весьма ограниченными, его решения имели рекомендательный характер. Но в законе о ККН была запись о том, что решения ККН, принятые в соответствии с основными правами человека, вступают в действие немедленно. Конституция стала правовой основой деятельности ККН. Комитетом были приняты наиболее важные решения об отмене прописки, о юридической ничтожности «секретных» актов, о ликвидации исправительно-трудовых учреждений и ряд других. В итоге оказалось, что Комитет не столько добивается реализации положений действующей советской Конституции 1977 г., сколько стремится провести в жизнь конституционные начала, основанные на правах человека.

Одно из таких решений – принятие ККН в 1991 г. положения по поводу указа Президента о введении в пределах Садового кольца в Москве особого административного порядка «совместного патрулирования». По запросу Верховного Совета РСФСР о конституционности этого порядка, после ожесточенных споров на заседаниях ККН, была выработана формула, в соответствии с которой конституционными (с точки зрения верховенства прав человека) могут быть признаны только такие действия вооруженных сил внутри страны, которые прямо основаны на законе. В результате был отменен порядок «совместного патрулирования», а события августа 1991 г. с вводом войск в Москву оценены негативно. Парадоксально то, что впоследствии эта формула полностью игнорировалась «демократической» властью.

ККН противостоял действующей власти, принимал решения – с опорой на права человека против Президента. 20 августа 1991 г. по моей инициативе члены ККН подписали заявление, осуждающее ГКЧП, где указывалось, что Закон о Чрезвычайном положении не предусматривает таких структур, как ГКЧП, что наделение их функциями высшего органа власти СССР незаконно. Это заявление не было принято в официальных кругах и было подано в «Общую газету». После беловежского сбора руководителей трех республик в декабре 1991 г. ККН выступил с Заявлением о юридической несостоятельности роспуска СССР. Оно тоже не было принято в органах власти и было опубликовано только в «Правде». Но с прекращением существования СССР в декабре 1991 г. были распущены все общесоюзные учреждения, в том числе и ККН.

Главным же направлением деятельности для меня была организация при Президенте СССР Исследовательского центра частного права для совместной работы с Верховным Советом. Без частного права нет свободных экономических отношений. Идея частного права стала постепенно реализовываться. Исследовательский центр частного права стал тем, что я хотел осуществить в ИФиП. Президент РФ утвердил федеральную программу «Становление и развитие частного права в России», а меня – ее научным руководителем (с 1994 г.). Это стало наиболее крупным событием в области гуманитарных наук в нашей стране. Основной задачей центра была под-

готовка проекта Гражданского кодекса РФ, что и было сделано – принят Гражданский кодекс в трех частях.

Потом я вышел в отставку в связи с Чечней – вышел из Президентского совета по правам человека, поскольку увидел, что война в Чечне есть рецидив коммунистического правопонимания. Ту формулу ККН просто забыли, когда решался вопрос о конституционной правомерности действий регулярной армии при «наведении конституционного порядка» в Чечне. Протест против этого был делом совести и чести человека, испытавшего на себе ужасы войны. После начала войны в Чечне я выступил с рядом статей, в которых изложил мотивы своих действий. Когда вступает в действие решение о применении тяжелого вооружения для массового поражения, ситуация гражданского конфликта юридически и политически оценивается как ситуация войны: с террором, расправами и прочими ее атрибутами. Это повлекло сдержанное отношение ко мне, о чем я не жалею.

— *Какой была работа над Конституцией?*

— Официальный проект новой Конституции с 1991 г. готовился в особой комиссии Верховного Совета РСФСР под эгидой Б.Н. Ельцина. В начале 1993 г. по инициативе движения «Демократический выбор России» во главе с Г. Поповым и А. Собчаком меня попросили подготовить альтернативный проект. Я привлек к делу нескольких коллег, и прежде всего цивилиста, юриста высшего класса Славу Хохлова. Работали в Питере, в «резиденции» А. Собчака. Сразу же был выработан перечень основных конституционных идей: 1) неприятие идеологии войны, 2) ответственность государства перед народом за силовые решения, 3) идея верховенства Права.

Главным «авторским» завоеванием в работе над Конституцией я считаю положение о том, что права человека определяют смысл и содержание деятельности всех подразделений власти. Нас беспокоила опасность, исходящая от государственной власти, – возможность игнорировать закон или применять его на практике сообразно вольному усмотрению. На первое место в тексте была поставлена норма о том, что «права человека являются непосредственно действующим правом» и основой всей государственно-

правовой жизни. Правда, из статьи под номером два в окончательном варианте текста ее перебросили в статью 18, но она сохранилась. В проект были включены и другие жесткие юридические конструкции: о строго разрешительном порядке действий государственных органов и должностных лиц, о недопустимости без прямого указания закона и надлежащих правосудных процедур использования регулярной армии внутри страны и др. Но формулу, учитывающую опыт ККН, при всех усилиях не удалось включить в текст новой Конституции. До сих пор власть не признает принцип недопустимости уничтожения человека вооруженной силой при решении внутригосударственных проблем. Что и показывают первая и вторая чеченские войны. В окончательном конституционном тексте многих из таких юридических конструкций не оказалось. Причина в том, что любая власть не терпит ничего, что бы ее связывало.

В окончательной редакции концептуальное положение о правах человека оказалось во второй главе, а заглавными статьями текста стали, как и в советское время, положения о государстве, его суверенитете, территориальной целостности. Принципиальный «настрой на человека» – главное содержание «альтернативного» проекта Конституции – оказался отодвинут на второй план и выхолощен.

Летом 1993 г. состоялось Конституционное совещание, разноголосица мнений которого позволила провести аппаратные проработки с ориентировкой на «запросы власти». В тексте проекта Конституции, вынесенного в декабре 1993 г. на референдум, а затем вступившего в силу, оказалось немало изъянов, корректив, дополнений, «уточненных» формулировок, которые дают известные основания для усиления власти Президента. Например, прерогатива на одностороннюю отставку Правительства, исчезла запись о парламентском контроле за исполнением законов и даже запись о том, что «частная собственность – естественное право человека». К счастью, идеи исключения всевластия в тексте сохранились. Нужно только внимательно вчитаться в текст Конституции. Некоторые основания для возвышения президентской власти были, ведь в подготовке текста участвовало несколько команд с разными взглядами, а последний вариант Конституции «подрабатывался» сугубо на аппаратном уровне.

— *С какими трудностями столкнулись Вы и другие разработчики проекта Гражданского кодекса в ходе работы над ним?*

— В 1991–1996 гг. развернулась работа по подготовке проекта Гражданского кодекса. По историческому опыту от Древнего Рима до бисмарковской Германии есть только один надежный способ реального объединения распадающегося общества. Это – гражданское, частное право, реализующее волю и интерес каждого человека на единых юридических основах. Только посредством гражданского права можно объединить разноплановое общество, решая одновременно коренные экономические проблемы – проблемы формирования рыночной экономики – и создавая гражданское общество в целом. Предложение об образовании Научного центра по подготовке Гражданского кодекса нашло отклик у М.С. Горбачева, а затем, при переходе власти, у Б.Н. Ельцина. Центр был назван Центром частного права.

Ход работы над кодексом стал поприщем жесткой политической, подчас аппаратной борьбы. Основная причина тут очевидна. Гражданский кодекс во всем мире был основой реального становления современного гражданского общества, новой свободной экономики. Противники действительных преобразований – былая и новая номенклатура, партийно-советское чиновничество, прогосударственная хозяйственная элита, их прислужники — видели в кодексе своего смертельного врага. Им помогало направление в науке, проповедующее в противовес «буржуазной юриспруденции» и стихии рынка теорию «социалистического хозяйственного права». Его представители убедили властвующих лиц в предпочтительности принятия вместо гражданского законодательства Хозяйственного кодекса, или Торгового кодекса, или Кодекса предпринимательства.

Но и со стороны некоторых оказавшихся у власти лиц, именующих себя демократами и реформаторами-рыночниками, проявлялось неприятие Гражданского кодекса или сдержанное к нему отношение. Это отношение к ГК характерно вплоть до нынешней поры, хотя основные части ГК уже действуют. Причины такого отношения к ГК в радикальных демократических кругах разные.

Есть причины личностного порядка: слабая юридическая подготовка; локализация представлений о юридических вопросах впечатлениями об образцовом американском капитализме. Но главное – это доминирующая в сфере экономических знаний убежденность во второстепенности юридических категорий и механизмов. В советской действительности Гражданский кодекс имел сугубо оформительское значение, а в области обобществленного хозяйства вообще уступал ведомственным инструкциям и властным решениям Правительства. Кодекс расценивался как «большая инструкция», которая нужна для «оформления и обеспечения» того, что фактически происходит в экономике и жизни. Отсюда вопрос: зачем же превозносить ГК и ориентироваться на него в области экономики, тем более что, судя по названию, он «обращен» чуть ли не исключительно к гражданам?

Необходимо пояснить значение частного права. Частное право, нашедшее выражение в Гражданском кодексе, во всей системе гражданского законодательства, реализуется в самой правовой материи, в институтах гражданского права, его формах, конструкциях, которые затрагивают нашу повседневную жизнь, – в отношениях собственности, договорах, разного рода обязательствах во всех секторах жизни общества. Вместе с вошедшими в привычку, обыденными юридическими конструкциями неизбежно входят в жизнь и утверждаются в качестве незыблемых принципы современного гражданского общества («частного права»): юридическое равенство, неприкосновенность собственности, свобода договора, судебная защита прав. Вот в чем сокровенная суть обнадеживающей, оптимистической перспективы! Современное отработанное гражданское законодательство, несмотря на все нынешние трудности и даже нарастающие сложности, все равно победит!

Гражданские законы по максимуму открывают простор для самостоятельных действий в экономической жизни, на деле вводят сами основы гражданского общества: равенство, свободу, самостоятельность граждан, защищенность их статуса и прав законом и судом. Вот почему законодательство в этой сфере именуется «гражданским». Общие принципы гражданского законодательства незримо присутствуют во всем многообразии гражданско-правовых

институтов и конструкций, но были сформулированы и особо в едином перечне. В статье 1 кодекса дан общий настрой всему материалу кодекса: теперь регулирование собственности, иных имущественных отношений строится на «равенстве», «неприкосновенности собственности», «свободе договора», «праве субъектов своей волей и в своем интересе определять условия своего поведения», «недопустимости вмешательства кого-либо, в том числе государства, в частные дела», «судебной защите прав». Это сами основы либерально-демократических воззрений и действий! В сущности – это Манифест современного гражданского общества, и я надеюсь, он сыграет в России такую же роль, какую сыграли Кодекс Наполеона или Германское уложение.

— *Расскажите, пожалуйста, о процессе принятия ГК и, особенно, о ситуации с отклонением Советом Федерации первой части ГК в 1994 г. Как Вам удалось использовать исторический шанс и добиться подписания Президентом Гражданского кодекса РФ?*

— На всех этапах процесс прохождения проекта ГК через Федеральное Собрание и Администрацию Президента встречал многочисленные препятствия и сопротивление чиновничества. Подготовленная к представлению в Думу первая часть российского ГК, имеющая концептуальное значение для всего гражданского законодательства, в начале 1994 г. была заблокирована президентскими юридическими службами и фактически снята с рассмотрения. Именно случай в мае 1994 г., притом – еще одно «увы» – через всевластную команду Президента, открыл дорогу к принятию Думой первой, а вскоре и второй части кодекса. Понадобились значительные усилия приверженцев кодекса, затрагивающие аппаратные механизмы и амбиции первого лица в государстве, чтобы проект первой, а затем и второй части ГК был передан в Государственную Думу. 5 мая 1994 г. Президент подписал распоряжение о внесении проекта в Госдуму. Мудреные игры вокруг кодекса продолжались и в Думе, например выраженные в том, чтобы заморозить главу 17 о земле, дабы аграрники, блокирующиеся с коммунистами, проголосовали «за». Дума после трех чтений и внесения поправок все-таки приняла ГК. Теперь его должен был одобрить Совет Федерации.

В ноябре 1994 г. Совет Федерации отклонил принятый Государственной думой ГК. Казалось бы, все потеряно – отклоненный Советом Федерации закон не может быть подписан и обнародован Президентом. И все же надежда оставалась. Дело в том, что Совет Федерации отклонил ГК на несколько дней позднее установленного Конституцией срока для одобрения или отклонения закона (21 дня). По точному смыслу Конституции закон, не отклоненный Советом Федерации в указанный срок, считается одобренным. Так и получилось. Президент подписал и обнародовал ГК РФ.

— *Насколько, по Вашему мнению, укоренены частноправовые отношения в России в настоящее время? Реализуются ли нормы Гражданского кодекса РФ?*

— Годы, прошедшие после принятия ГК, показали: кодекс так и не стал правовой основой экономико-социального развития. Как и в советское время, он остался «оформительским» документом. Гражданский кодекс – он есть, и его нет. Признаюсь: появление в постсоветской России Гражданского кодекса – дело случая. Его по самой сути и социальному настрою того и нынешнего времени не должно было быть. Потом кодекса по главному его предназначению и впрямь не стало. Природа утвердившегося в России постсоветского (но все еще прокоммунистического) политического строя вскоре взяла свое. «Душа» Гражданского кодекса так и не заработала, не вступила в действие!

Но Провидение, смею утверждать, все же поступило верно. Важно, что пусть частично, с трудом и деформациями, пусть не сразу, а через многие лета, его положения и его «дух» входят в практическую жизнь, утверждаются в повседневности, становятся обыденными и непреложными. Как ныне во Франции, где, как говорят, на полке дома каждого крестьянина рядом с Библией стоит Гражданский кодекс Франции (принятый в 1804 г.). Иначе гражданское общество не состоится никогда! Ибо только вместе со всякой «цивилистической формалистикой и схоластикой» в жизнь могут войти, утвердиться, стать само собой разумеющимися великие начала свободы и автономии отдельной личности – сами начала и принципы современного гражданского общества. Иного современной цивилизацией не дано!

Особенности проведения экономических реформ в России – одна из причин не полной, частичной реализации норм Гражданского кодекса. Беда российской приватизации 1992–1995 гг. состоит в том, что проведенное в быстрых темпах сплошное акционирование государственных предприятий сопровождалось свертыванием или даже упразднением арендных и кооперативных предприятий – институтов, связанных с формированием собственников-производителей в самом процессе хозяйственной деятельности, в сферах малого и среднего предпринимательства. Преобразование предприятий в акционерные общества, преимущественно открытые, неизбежно свелось по большей части к смене вывесок, к тому же прежние государственные управляющие-директора стали бесконтрольными властителями имуществ. Акционерные общества призваны быть эффективной организационной и правовой формой деятельности уже существующих частных собственников. В наших условиях они стали способом пополнения государственного бюджета путем «продажи акций», принадлежащих государству.

В сфере «приватизированных» промышленности и сельского хозяйства современной России продолжают доминировать начала государственной инфраструктуры, императивы государственного капитализма, имеющего одновременно черты номенклатурного, олигархического, полукриминального строя. Частичное преобразование госсобственности посредством акционирования не затронуло главного ее порока – сложной системы отношений, соединенной с властью, т.е. властно-организационной инфраструктуры, открывающей возможности бесконтрольного присвоения государственной бюрократической системой материальных и интеллектуальных богатств общества, произвольного распоряжения ими. Задачи преобразования собственности остаются во многом нерешенными. Основная из таких задач – это решительное и полное разгосударствление собственности, «вывод» отношений собственности из-под эгиды государственной власти и подчинение их исключительно частноправовым началам в соответствии с гражданским законодательством. Сверхзадача – формирование свободных собственников-производителей. Путь к этому – интенсивное развитие малого и среднего предпринимательства, процесс, то и дело иницируе-

мый, но явно и намного запоздавший, а главное – блокируемый существующей корпоративной экономической системой и контролируемый ее силовыми структурами.

Реализовался не либеральный замысел Е. Гайдара, Г. Явлинского и других – восторжествовал номенклатурный государственный капитализм. В центре господствует финансовая олигархия, на местах побеждает номенклатурная элита, связанная с советским прошлым. Либеральные реформы в нашем отечестве не состоялись. Для этого должны вырасти новые силы. Власть использует ГК РФ только периодически, для своих конкретных нужд, например для роспуска НТВ, но не для утверждения подлинной экономической свободы личности, защиты ее собственности, прав и достоинства. К сожалению, в нынешнюю пору ни разу общие начала гражданского законодательства не отмечены ни в одном из ответственных государственных и общественных документов. На практике в ряде случаев выдвигаются положения, отражающие директивное значение государственной власти в хозяйственной жизни. Не «юридическое равенство» всех субъектов, а их «равноудаленность» от высших эшелонов власти, не «недопустимость произвольного вмешательства в частные дела», а нецелесообразность «необоснованного» вмешательства или всего лишь «разбюрокрачивание», или «разрегулирование» имущественных отношений, что вообще отдает принципиальной некорректностью.

Но главное – Гражданский кодекс, соответствующий требованиям и достижениям современного гражданского общества, у нас все же есть. Да он и во всех странах утверждался в жизни не сразу: в Германии – свыше 50 лет, во Франции – почти полтора столетия, в Чили – тоже. Как-то будет у нас, в России?

— *Еще в ходе Вашей деятельности в качестве председателя Комитета по законодательству Вами и Вашими коллегами была сформулирована задача создания правового государства в России. Многие действительно сделано – приняты Конституция РФ, ряд кодексов и законов. В каком состоянии, на Ваш взгляд, движение России к правовому государству?*

— Да, демократическая Конституция в нашей стране состоялась. Вместе с тем большая надежда, которая с ней связывалась, не

осуществилась. Сейчас сложилась своеобразная и тяжелая обстановка. Есть законы, есть Конституция РФ. Но в жизни нашего общества и в мире, к сожалению, верх одерживают силовые способы решения проблем. В стране, понятно, не всегда и в ином обличье, продолжает доминировать проклятие нашей страны – система всевластия. Любая цель, поставленная в высшем эшелоне власти («президентской администрации»), проводится в жизнь. В новых формах, непременно под эгидой закона и действующих юридических учреждений, порой окольным путем, но непременно проводится. Есть отдельные исключения: случай «отставки Скуратова», промахи в избирательной компании отдельных регионов... А так – что нужно? Поставить на место губернаторов – пожалуйста. Осуществлены изменения в комплектовании Совета Федерации, введены полномочные представители Президента в округах, соответствующих округам внутренних войск, предусмотрены некоторые другие меры, грозящие отставками и даже уголовной ответственностью для ослушников (и дан «пряник» – возможность избрания на третий срок). Губернаторы опущены до положения бывших первых секретарей обкомов, всевластных в своем домене и безропотно послушных центру (и без устали восславляющих его). Не вписывается в специфическую тональность «свободы слова» одна из телевизионных станций? – приведены в действие налоговые службы, некоторые силовые ведомства, коммерческие рычаги и механизмы, постулаты собственности, все еще «не отвязанные» от власти, и нет бывшего коллектива.

Формируется нечто поистине гениальное, не уступающее сталинской модели социалистической демократии, которое нельзя подогнать ни под авторитаризм, ни под классическую демократию. Силовой режим жесткой безоговорочной власти, успешно действующий через закон («диктатура закона» и институты управляемой демократии). Притом в рамках формально провозглашенных, по своему построенных и интерпретируемых управляемых конституционных институтов, механизмов и категорий рыночной экономики (впрочем, без главной ее составляющей – свободной и защищенной личности), но везде так, что сохраняется режим всевластия. По всем законам преемственности с сохранением трансформиро-

ванного, в чем-то модифицированного «ядра власти» или даже, быть может, вновь «массива власти», вплетенного – разве не гениально? – в структуру отношений, с формальной стороны отвечающей современной демократической Конституции.

Думается, общество, вставшее на путь демократического, последовательно либерального развития, должно собрать и аккумулировать все средства и процедуры, которые способны стать барьером на пути всевластия. Поняв опасности, заложенные во всевластии, необходимо найти средства защиты от него. Надо сделать эти средства совместимыми с демократическим государственным строем и вместе с классическими механизмами обеспечения правового характера власти – жесткими и неукоснительными при проведении их в жизнь. Моим глубоким убеждением является то, что подлинное решение любых проблем зависит от духовного состояния людей, от состояния души человека. Главное – чтобы нашлись люди, которые готовы поддерживать ценности свободы и достоинства личности. Необходимо сохранить и продолжить духовные ценности романтического периода истории нашей страны и так же важно их реализовать.

— *Как Вы оцениваете перспективы либеральных реформ в России?*

— Судьба либеральных по замыслу экономических реформ в России остается до настоящего времени не вполне определенной. Если им и суждено сбыться в оптимальном для либеральной цивилизации варианте (а сбыться им в конечном итоге суждено), то произойдет это не скоро – станет результатом многотрудного политического и духовного развития общества. В ближайшей перспективе возможно и попятное движение, усиление прокоммунистических элементов и консервация под флагом «стабилизации» строя правящей олигархии государственного номенклатурного капитализма, способного по некоторому минимуму даже «улучшить положение» людей.

В такой обстановке важно закрепить позитивное, утвердиться на плацдармах, которые станут залогом последующего демократического развития российского общества. На первое место среди неотложных мер по реформированию российского общества следу-

ет поставить право. Право – активный, действующий социальный институт, в нем уже содержатся исходные, важнейшие плацдармы, опорные точки на перспективу (ряд положений действующей Конституции, Гражданский кодекс, выражающие свободу человека, его статус). С опорой на них можно не только провозглашать идеалы, но и с использованием действенных юридических механизмов активно их защищать и проводить в жизнь. Именно с правом связан наиболее благоприятный оптимальный прогноз развития современной цивилизации. Беды, обрушившиеся на российское общество в годы перемен, вызваны не только экономическими и организационными просчетами, всеокрушающей борьбой за власть, за овладение ею и удержание ее, но и в не меньшей степени тем, что при всех широковещательных «правовых лозунгах» право не заняло достойного места в обществе, не стало твердой «опережающей» основой преобразовательных мер. Вот и хлынул в жизнь хаос бескрайней варварской свободы, правового беспредела, тотальной криминализации общественной жизни. Принимаемые в последние годы меры по борьбе с коррупцией представляются не только недостаточными, они не заменят того, что должно стать незыблемой основой, – создания правового общества, фундаментом и стержнем которого стало бы право человека.

— *Еще одна область Ваших интересов – права человека. Сергей Сергеевич, какие проблемы этой сферы права Вы считаете наиболее актуальными?*

— Права человека – основополагающая гуманитарная категория, призванная ознаменовать вступление человечества в эпоху либеральных цивилизаций. Однако права человека хотя и утвердились в лозунгах и идеях, но не нашли достойного продолжения в юридической материи, в отработанных юридических конструкциях, которые смогли бы через повседневное человеческое житие, живую жизненную практику людей, при необходимости – через судебную систему сделать права человека непреложной, обыденной реальностью. Между тем права человека составляют абсолютный критерий правовой реальности – законодательства, юридической практики, деятельности судов. Отсутствие отработанных юридических конструкций по правам человека оборачивается

крупными несчастьями. Тем, что в сложных жизненных ситуациях происходит возврат к праву силы, порой даже к «праву войны».

Это происходит не только в такой драматической обстановке, которая травмирует общество кровавыми боями афганской или чеченской войн, но и в обыденной жизни людей, когда, к примеру, будто бы законное «отключение электроэнергии» за неплатежи организаций приводит к массовому нарушению жизненных прав людей, вовсе не виновных в такого рода неплатежах. Одна из наиболее сложных сфер в отношении прав человека в нашей стране – это все то, что в последние годы происходит в области уголовно-процессуального права. Казалось бы, Конституция 1993 г. твердо закрепила передовые начала судопроизводства, высокую роль суда, участие адвоката на всех стадиях процесса. А на практике по-прежнему действует УПК РСФСР с его обвинительными ориентациями, приоритетом прокуратуры – «государева ока» и т.д. Некие прокурорские работники в открытую говорят о своем несогласии с упомянутыми конституционными положениями. Новый УПК РФ еще не принят. Идет неспешная отработка законов, юридических конструкций, которые потом надо будет строго, «по буквам» проводить в жизнь. Именно они призваны включить в жизнь конституционные начала.

Отсутствие достаточных и отработанных юридических конструкций по проблемам прав человека, причем не только по процессуальному законодательству, предопределяет пессимистическую перспективу. Пока лозунги и заклинания о правах человека не будут воплощены в строгих и точных юридических построениях и формах, ценности и идеалы прав человека в реальную жизнь не войдут никогда.

В ряде европейских Конституций, в господствующем общественном мнении права человека имеют значение первой основы всего государственно-юридического построения современного демократического общества. Но это, встретившись в деятельности Комитета конституционного надзора СССР, в нашем исковерканном обществе осталось без должного понимания и оценки. Категория неотъемлемых прав человека, обретая юридическую силу, способна (при понимании и умении использовать возможности) убе-

речь человечество от уже близкой беды – всеобщей анархии, хаоса и безумия насилия!

Есть обстоятельства, свидетельствующие о продолжающемся господстве реакционных режимов и порядков, о приоритете права силы, а то и права войны. В том числе – на Востоке, в ряде мусульманских стран. Есть факты геноцида и террора. Но более всего смущает круг совсем горьких обстоятельств. Это использование рядом передовых демократических стран методов войны с применением новейшего вооружения (и отзвуками колониальных нравов), и притом со ссылкой на массовые нарушения прав человека, – события в Югославии (2001), Афганистане (2002), Ираке (2003). Ничего себе! Высшая гуманитарная категория – права человека, исключаяющая саму возможность уничтожения человека, во всяком случае, без суда, следствия, обвинительного приговора, – стала основой для крупномасштабного применения современных вооруженных сил (авиации, ракетной техники), когда гибель невинных людей оказывается неизбежной! Добавим сюда события, происходящие в России на чеченской земле... Это предвестники беды, большие «минусы» в правовом развитии.

Взвинтивший почти все американское население настрой на «возмездие» после трагических событий сентября 2001 г. оказался в немалой степени понятным в самом прямом, стародавнем значении – в воинственном смысле: идти войной на предполагаемых виновников. Вершителями судеб в этих событиях стали не действующие законные порядки, а непосредственно ведущие державы мира: США, Великобритания, их союзники. Произошло во многом то, что характерно для «права силы». По прямому решению руководства ряда стран использовались методы прошлых эпох – методы войны. Тут даже формально не определена, казалось бы, «все оправдывающая» категория – защита прав человека. В качестве обоснования военных акций, в силу неуместности ссылки на одно «возмездие», делались ссылки на «ликвидацию лагерей террористов», «разрушение их баз» и пр. Задача уничтожения терроризма (как глобальное, вселенское («божественное») предназначение человечества – заменить насилие правом) «опустилась» до обычных актов войны!

Страны, осуществившие ныне военные акции в Афганистане и Ираке (теперь уже без санкции ООН!), это страны – своего рода эталоны демократии и правового развития. Именно им самой Историей было дано устанавливать планку правового развития, которая соответствует современной эпохе. До последнего времени шло медленное, трудное, с остановками и зигзагами, восхождение человечества от насилия к праву. И вдруг ... сброс к краю бездны! Причем сброс происходит с каким-то коварством: опорой для такого сброса общества в прошлое, к насилию стало возвышение неотъемлемых прав человека, придание им непосредственно юридического значения. Настрой на то, чтобы покарать страны, как-то причастные к терроризму, свидетельствует о том, что мы вновь оказались в обстановке правового варварства, допустимости права войны, военного возмездия. На переднем крае вновь оказалось право силы. Величественное здание современного Права оказалось потрясенным. Неужели в жесточайшей вселенской схватке между насилием и Правом победу на данном этапе человеческого развития, вопреки, казалось бы, неумолимым историческим тенденциям и ожиданиям, все же одерживает насилие, Право силы?

Возникает предположение: может, теперь следует отказаться от «высот» в юриспруденции, связанных с международным правом, с защитой прав человека, и не идти дальше обыденных юридических дел – споров о наследстве и прочих? Именно так поступает юриспруденция в благополучных странах Запада – сделки, обвинения, защита, регистрация актов. Все другое, «высокое»: права человека, правосудие, экономическая свобода – пусть все это остается уделом политиков и философов? Мне представляется все иначе: неимоверно страшное, случившееся в последнее время, – это горькая плата человечества и нынешней юриспруденции за пренебрежение к высокой юридической материи, к Праву. Негоже отбрасывать выстраданные веками истории и выработанные наукой и практикой правовые начала и категории – начала законности, жесткие правила применения вооруженной силы при решении международных и внутригосударственных дел!

— *Правильно ли я понимаю, что за созданием Вами Исследовательского центра частного права при Президенте РФ,*

Российской школы частного права, Института частного права стоит единая концепция целостной системы послевузовского образования юристов-цивилистов высокого класса?

— Мы создали два отделения школы – в Москве и в Екатеринбурге. Школа и Институт частного права – это звенья единой системы. Институт существует без государственной поддержки. Туда поступают лучшие выпускники школы частного права. Это и есть главное дело моей жизни – я и сейчас курирую работу по программе возрождения частного права в России, руковожу Уральским отделением Российской школы частного права. Наша цель – подготовка специалистов мирового уровня, и если мне удастся воспитать хотя бы десять учеников, буду считать свой долг перед страной, перед своими учителями, – а я, по сути, являюсь воспитанником дореволюционной российской профессуры – выполненным: цепь не прервется.

— ***В своей научной деятельности Вы охватили масштабный круг проблем: философию права, общую теорию права, гражданское право и конституционализм, права человека. Какими проблемами Вы занимаетесь сейчас?***

В последние годы я занимаюсь проблемами обобщающего плана. Среди них – мысли о Праве, о ступенях становления Права в России. В стране, истерзанной войнами, бунтами и тиранией, шаг за шагом утверждаются такого рода идеи – Идеи Права: Идея частного права; Идея прав человека; Идея достоинства и неприкосновенности личности (до сих пор попираемых действующим законодательством времен РСФСР); Идея верховенства Права, к которой склоняется все правовое развитие стран, избирающих путь демократии, либеральных ценностей и идеалов. Но вся суть вопроса в том, что ни одна из этих идей не может получить необходимого жизненного воплощения, не может стать действительной реальностью в обществе, если не найдет выражения в системе отработанных, совершенных юридических конструкций. Ключевое значение имеет конструктивное совершенство права, правовой материи.

Еще полстолетия тому назад в своих лекциях по римскому частному праву Александр Маркович Винавер рассказывал о деталях и подробностях юридического бытия Древнего Рима, об изящ-

ных и стройных юридических конструкциях – самом великом открытии римской правовой культуры, которое только сейчас, кажется, раскрывается в своем грандиозном значении для права...

Мне стало видеться что-то похожее на свет истинного знания – действительная перспектива понимания права и в его издавна известных значениях, и в новых очертаниях, суть и смысл которых только-только приоткрывается. Недавно вышла моя книга «Избранное», в которой содержится обобщенная характеристика современности, мое отношение ко многим актуальным проблемам. В ней я подвожу определенный итог своей 50-летней деятельности. Не важен сам юбилей, это нужно мне самому. Я не работать не могу, каждый день я сажусь за компьютер и пишу. Где-то там, в работе, находится правда жизни, а удовлетворение от нее составляет счастье...

Время встречи истекло, а хотелось спросить Сергея Сергеевича еще о многом. Но радуется мысль – общение многих людей (не говоря об учениках и последователях) с этим человеком может быть продолжено через его научные, публицистические и литературные произведения. Это книги, посвященные правовым проблемам: Теория права. М., 1993, 1995; Философия права. М., 1997; Самое святое, что есть у Бога на земле. М., 1998; Частное право, М., 1999; Восхождение к праву: Поиски и решения, М., 2001 и многие другие. Это научно-публицистические работы: Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997; Круг замкнулся: Повесть о праве. Екатеринбург, 2001; Две повести. О праве. О власти. Россия, 2002; Избранное. М., 2003. В последнюю книгу включены очерки о взаимоотношениях автора с М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным. Будут и новые книги, а значит, читатель, как и я, сможет вновь и вновь говорить с этим Светлым Человеком.